

ЭТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ С. Л. РУБИНШТЕЙНА

К. А. Абульханова

Сергей Леонидович Рубинштейн, выдающийся отечественный философ и психолог, занимает исключительное место в современной науке, духовной жизни и культуре. Эта исключительность определяется тем, что, освоив и вобрав в себя и в свое творчество все богатство мысли, духовность и гуманистическую направленность золотого девятнадцатого и начала XX века, он превратил их в оружие защиты Человека и человечности в жестоких условиях века XX (его войн, революций, насилия). Как показывают встречи психологов в даты его юбилеев, научное наследие Рубинштейна все более глубоко осваивается, распространяется и творчески применяется в психологии и в жизни. Философская антропология Рубинштейна, опирающаяся на онтологическую основу, – не умозрительная абстракция, а методологический ключ к раскрытию способа жизни реальной личности в соответствии с принципами духовности, нравственности, человечности. Именно психология явилась для него (как и сегодня для нас) той наукой, в которой исследуются и практически применяются намеченные им способы отстаивания человечности при любых изменениях общества.

Войдя в психологию в тридцатые годы прошлого века уже зрелым ученым, сумевшим новой психологической концепцией деятельности преодолеть кризис мировой психологии и заложить фундамент* построения отечественной, отдаваясь без остатка решению все новых и теоретических, и исследовательских, и практических задач, он неотступно двигался к главному произведению своей жизни – «Человек и мир».

Непосредственная работа над этим трудом началась в последнее пятилетие жизни после непрерывной критики его «Основ», обвинения в ревизионизме и космополитизме (1946–1950 гг.), и пятилетия фактического изгнания из науки (1950–1955 гг.). Пережив все это, он назвал свою жизнь оптимистической трагедией. Преодоление подмены

* В книге с соответствующим названием – «Основы общей психологии».

человека его сознанием, абсолютизации гносеологического отношения и разрыва учения о природе общества и мышления в официальной философии было осуществлено им путем разработки диалектико-онтологического подхода к бытию и нахождению в нем места человека.

Рубинштейновская онтология охватывает своим объяснением Вселенную, Природу, Человека, Мир, созданный человеческой деятельностью, и общества, включающие личностей в разных типах связей друг с другом в процессе их жизни.

Смыслом жизни и творчества Рубинштейна было сохранение, восстановление и развитие связи философии и психологии и на ее основе – разработка нового психологического мировоззрения и методологии исследования.

Основной заслугой Рубинштейна как философа является радикальное изменение философского миропонимания, построение нового философского мировоззрения – онтологии, включающей в себя философскую антропологию. Он интегрировал концепцию человека, концепцию жизни и концепцию общества в своей парадигме бытия Человека в Мире. Глубоко осмыслив всю историю философии, философских систем и их противоречий, начиная от Платона, Сократа, включая гегелевскую и кантовскую парадигмы, их последующую эволюцию, теории познания и сознания (Э. Гуссерля, Э. Кассирера, Д. Мида и др.), концепции жизни российского и западноевропейского экзистенциализма, он вобрал в свою концепцию весь критически переработанный опыт и достижения мировой философии и психологии и гуманистическую духовную устремленность российской философской мысли. Он сумел преодолеть известную умозрительность российского и западноевропейского экзистенциализма и односторонность, ограниченность разных вариантов философской антропологии, включив их в контекст определения бытия – в онтологию и конкретно – бытия общества.

Заслугой Рубинштейна в психологии, поскольку последняя все еще страдала идущей от философии односторонностью и противоречиями гносеологизации, а также социологизацией и физиологизацией, является ее онтологизация и антропологизация – доказательство природы реальности особого рода, объективности психического, сознания как идеального, духовного, их принадлежности личности, их действенной роли в жизни человека, общества, личности.

Само определение предмета психологии, природы психического, изменилось, когда оно стало отправляться не от самого психического (или от личности и ее сознания), а от этого предельно широкого контекста бытия человека, конкретнее – бытия личности, ее жизни, в котором удалось выявить его реальную онтологическую функциональную роль (Абульханова, 1973).

Эта онтологическая роль, на наш взгляд, была доказана Рубинштейном несколькими взаимосвязанными философско-методологическими положениями.

1. Положение о включенности, «вписанности» одного сущего в другое:
  - человека в человечество и созданный им Мир;
  - личности в общество, группу;
  - личности в ее жизненный путь.
2. Положение о принадлежности одного сущего другому как его способности, обеспечивающей его функционирование:
  - принадлежности Человека Миру, а Мира – человеку, их взаимодействия;
  - принадлежности личности обществу;
  - принадлежности личности ее жизни как осуществляющему ее субъекту;
  - принадлежности сознания, психики и деятельности личности. Сознание как способность личности обеспечивает ее деятельность, а деятельная способность личности в единстве с сознанием обеспечивает осуществление жизни, жизнедеятельности.
3. Положение о многообразии уровней, способов и степени детерминации сущих:
  - детерминация как взаимодействие, в разной степени затрагивающее сущность;
  - детерминация как интеграл, комплекс, перекрест, или столкновение и «погашение» друг другом детерминант разного уровня;
  - детерминация как отношения и взаимоотношения;
  - детерминация как влияние;
  - детерминация, определяющая развитие;
  - детерминация как «самопричинение, самодетерминация». Доказательство объективности не только метода психологии, но реальности самого психического как особой «субъективной реальности» (по удачному выражению В. И. Слободчикова) произошло уже в пятидесятые годы на основе рубинштейновского принципа детерминизма.
4. Положение о развитии не как о линейном стадийном процессе, а как связанном с функционированием, разными его качествами, уровнями и мерой оптимальности. Под оптимальностью функционирования подразумевается самоорганизация и оптимальность организации при взаимодействии систем:
  - развитие было определено как движение по восходящей, как умножение и реализация возможностей человека;
  - развитие личности рассмотрено в масштабах жизненного пути – ее индивидуальной истории, а последняя – в контексте и истории данного общества;

- способности определены как предпосылка и результат развития человека, осуществляющего деятельность, т. е. развития понятого не только как этап жизни, но связанного с оптимальностью концентрации и организации сил человека в данном времени деятельности, оптимальности способа ее осуществления, а психического как оптимизирующего этот способ.

5. Положение о системе иерархии уровней бытия человека и переходах от уровня бытия человечества к уровню конкретного общества, от него – к общности («мы»), отношению человека к человеку и к уровню личности.

Таким образом, Рубинштейном создана философская антропология, охватывающая своим объяснением многочисленные отношения, взаимоотношения и взаимодействия человека с миром. Благодаря этому открылась возможность понять многогранную сущность человека и разнообразные способы функционирования на разных уровнях и в разных сферах действительности. На этой основе осуществлена онтологизация психического, – объекта психологии. Это обозначает, что психическое признано специфической субъективной реальностью, которая, в отличие от объективности действительности, противоположной человеку, и является его особой способностью, принадлежностью (принадлежит ему), составляющей особую объективность самого человека.

Построенная на этих положениях методология психологии (еще в «Бытии и сознании») позволила преодолеть локализационную модель психического как обособленной сферы бытия посредством формулы о включении психического в разные системы связей, в онтологически другие системы и сферы бытия человека, проявляя в них разные качества.

Эта методология ликвидировала и абсолютизацию противопоставления субъекта и объекта и трактовку психического только как производного от объекта, отображающего его или уподобляющегося обществу. Можно сделать вывод, что Рубинштейн преодолел скрытое в предмете психологии противоречие, в котором имплицитно содержались две противоречивых трактовки психического – как отражения объекта и как деятельности, активно преобразующей объект. Подобной противоречивой трактовкой роль психического ограничивалась лишь достижением адекватности деятельности и поведения человека в действительности. Эта трактовка фактически сводила роль психического к адаптации, не давала возможности дифференцировать функции психики и сознания, не позволяла прийти к пониманию сущности сознания как выводящего и дающего личности возможность выйти за пределы ситуативного, необходимого, заданного, мешала понять саму личность как творца, деятеля, субъекта, созидателя мира, свою жизнь.

Идеи, разработанные в «Человеке и мире», позволяют не сводить жизнь личности к деятельности (хотя практически иногда это происходит) или к объективации в формах социальной жизни, которая предполагает лишь приобретение, выработку личностью качеств, связанных с социальными позициями, ролями, функциями (в деятельности – это профессиональные качества).

Понятие самореализации, которое часто употребляется через запятую с объективацией, на самом деле раскрывает личностные характеристики: притязания, ответственность, способности, способы, посредством которых она осуществляет свою жизнь в соответствии не только с социальными стандартами, но и со своей индивидуальностью. Самореализация – это реализация существенного для личности в своей жизни. Личность есть то, чем она сумела стать при данной совокупности внешних и внутренних условий, включая в последние ее сознание, способности и т.д. А жизнь есть то, что сумела сделать из нее личность при тех же условиях. Вопрос о личности как субъекте жизненного пути – это вопрос о том, чего и как достигает она своей активностью в своей жизни и в обществе.

Жизнь в понимании, соответствующем рубинштейновскому, это не обособленные внутренние условия и параллельные им объективные внешние условия – события, ситуации и т.д. (хотя они существуют реально). Жизнь – это способ осуществления своего «Я», индивидуальности, самости, сущности посредством установления связи с этим «Я» тех и других условий. Данный способ самореализации вырабатывается личностью, меняется, совершенствуется на протяжении всего жизненного пути. Это способность личности интегрировать сферы жизни, жизненные отношения, позиции, этапы соответственно определенному смыслу жизни. Мы полагаем, что введение понятия «самореализация» придает анализу жизни ценностный характер. Детерминация жизни субъектом – это ценностная детерминация, соответственно раскрывающая и ценностную устремленность (интенцию) сознания и самой жизни как реализации ценностей. Ценности выражают не только позитивные «качества» жизни. Они воплощают и противоречия добра и зла, которые в разном облике решает субъект жизни (что мы неоднократно отмечали), противоречия деяния и страдания, свободы и зависимости. Несомненно, что общество при его определенной направленности превращает в ценности власть, а ради обладания ею – деньги. Влияя на личность, они и ее превращают в раба этих ценностей, преграждая, закрывая ей возможность стать субъектом. Ценностный характер приобретает сама борьба против порабощения личности этими ценностями, даже смерть – принесение себя в жертву борьбе за благо, посвящение жизни этой борьбе.

Ценности связаны с отношениями людей (друг к другу и друг с другом), с отношениями личности с обществом, ее отношением к жизни. Позитивный, связанный с ценностями человечества, духов-

ности, справедливости, характер ценностей составляет сферу проблем этики.

Вводя в психологию понятие жизни, Рубинштейн тем самым вводит в нее проблемы этического – гуманного, человеческого в человеке, личности, ее отношениях, жизни. Этический план ценностей – их позитивное, возвышающее человека над обыденностью и жестокостью жизни начало. И вместе с тем ценности – это достижение гармонии и глубины, подлинности в самой экзистенциальности жизни человека, а не некие умозрительные сущности. Таким образом, ценности представляют собой и идеал, и стремление к нему, и его реализацию в жизни. В отличие от социальных, экономических детерминант жизни (в их этическом содержании), они связаны с борьбой человека за человечность. Живя в период, когда этическое было изгнано из марксистской философии, Рубинштейн не только возвращает его последней (философии), но и считает, что онтологически психическое, личность, составляет экзистенциальную основу этического. Одна часть этической концепции Рубинштейна посвящена непосредственно этическим отношениям людей (любви), другая – этическому отношению человека к жизни.

Как известно, в определении психического еще в «Основах» 1935 года Рубинштейном были включены переживания. В «Человеке и мире» они предстают как более высокого уровня обобщающие жизнь по ценностному основанию «мировоззренческие чувства». В отличие от эмоций и чувств, исследовавшихся в отечественной психологии (А.Е. Ольшанникова, В.К. Вилюнас, Б.И. Додонов и др.) и жизненных переживаний, изучаемых А.О. Прохоровым, мировоззренческие чувства, по Рубинштейну, – это не ситуативные, а особые оценочные чувства личности. Являясь обобщениями, они представляют не предельные абстракции Бога, духа, смерти, какими оперировала философия жизни. Это, как писал Рубинштейн, одновременно ценностно и «пристрастно» насыщенные способы осуществления жизни личностью, человеческие и с этических позиций, и с позиций самореализации. Подобными чувствами (такими как верность, доброта, справедливость и т.д.) осуществляется обобщение жизни, происходит оценка личностью жизни в соответствии с определяемым ей смыслом (ценности).

В философских и психологических трудах, как правило, рядоположенно ценности перечисляются, а в исследованиях подчеркиваются, выделяются приоритетные для личности, общества и т.д. Однако при этом редко вскрывается то, как же личность соотносит эти ценности друг с другом: они предстают или как изолированные, рядоположенные, или как иерархизированные (подобно иерархии потребностей Маслоу). Рубинштейн вскрывает, во-первых, оцениваемость личностью самой жизни, осуществляемую ее сознанием. Во-вторых, он открывает путь, способ, посредством которого личность ценностно «резюмирует», обобщает свою жизнь, при наличии в последней противоречивых, казалось бы, несовместимых разнопорядковых ценностей.

Личность обобщает жизнь и с мировоззренческих позиций, и одновременно – душевных, сугубо индивидуальных ценностей. Такое понимание противоположно сведению понятия субъекта самореализации к его автономности, одиночеству, эгоцентризму, индивидуализму личности. Мировоззренческие чувства – это одновременно и высший уровень сознания, достигнутая степень его духовности, человечности, и уровень сознательных и несознаваемых экзистенциальных механизмов их жизненной реализации. В целом они представляют жизненную способность и меру ценностного личностного совладения с жизнью, которая одновременно соотносит личность с человечеством, дает оценку ее бедам и достижениям с позиций идеала человечности (его достижения или неосуществимости). Сами по себе чувства удовлетворения, разочарования, одиночества, являясь глубоко личностными, экзистенциальными, еще не выводят личность на уровень обобщения своей жизни в целом, на уровень философии своей жизни. Сама постановка вопроса Рубинштейном о достижении единства переживания, чувств и обобщения (которое всегда представлялось связанным с понятиями, абстракциями) кажется удивительно неожиданной. Но раскрыть и понять природу этой тайны можно, только опираясь на ценностные основания самой жизни и, соответственно, способность ее сознательного обобщения.

Последняя как способность сознания улавливалась многими российскими мыслителями, писателями, философами. «Жизнь тем более жизнь, чем более она жизнь внутренняя», – говорил Лев Толстой. «Я хотел оставаться в своем мире, а не выбрасывать его вовне», – писал Н. Бердяев в «Самопознании» (Бердяев, 1998, с. 299). Но в этих обобщениях не присутствовала интеграция разных оценок жизни. По Рубинштейну мировоззренческие чувства самого высшего уровня обобщенности – это соотношения трагического и оптимистического в жизни (то есть ее противоречия). В философской антропологии Рубинштейна обобщения жизни осуществляют на разных уровнях. Более конкретны чувства ответственности, любви, которые одновременно являются ценностно-духовными и экзистенциальными. Это дает возможность понять саму жизнь не как некую отчужденную объективность, а как череду надежд и деяний, движимых чувствами поступков, нравственных проблем и их решений, ошибок и достижений. Жизнь – это выход личности в пространство общечеловеческих духовных ценностей, культуры, соотносенный с переживанием своего способа жизни.

В «Человеке и мире» Рубинштейн склоняется к тому, что чувства соответствуют жизни, а жизнь – чувствам. Но в том-то и дело, что чувства – не отражение жизни, они не параллельны ее характеру, модальности. Обобщая, личность выделяет то в жизни, что существенно для нее, она способна именно это переживать как существенное. Поэтому сам он, в том числе в своих дневниках, признает, что жестокость, злоба, зависть и гонения окружающих и социума в целом вызывали у него

не адекватные чувства страха и вины, а парадоксальные: смех, юмор, снисходительное отношение к негативному отношению к нему людей, как к их слабости.

Развивая проблему философии жизни, Рубинштейн много внимания уделяет как-то не по-философски звучащему понятию – «серьезность» жизни. Последняя определяется тем, что в совершенном, в произошедшем уже ничего нельзя изменить и исправить. Опираясь на это понятие, он нравственно изобличает предавших его «друзей» как не заслуживающих серьезного отношения (в их ненависти и зависти к нему), вызывающих лишь смех и сострадание к их «жалкости»*. Это чрезвычайно важное признание позволяет нам понять, что личность самоопределяется в своих чувствах и отношениях, в этом – ее жизненные достижения, отличные от социальных, профессиональных и прочих.

Если сравнить рубинштейновскую концепцию чувств с некоторыми теориями западноевропейского и российского экзистенциализма, то, при общности философско-психологического уровня анализа, выявляются и принципиальные различия. Если у М. Хайдеггера одно из основных мест занимает чувство страха (страх не справиться с трудностями, угроза жизни, априорный страх), то у Рубинштейна вообще отсутствует эта категория†. В его перечне мировоззренческих чувств отсутствуют и такие астенические чувства, как вина, тревога, хотя, казалось бы, они исконно присущи россиянам. Чем это объяснить? При общей оценке жизни как трагической Рубинштейн сам испытывает и рассматривает те чувства личности, которые могли бы помочь ей выстоять, сохранить свою человечность. Тем самым вскрывается то, как преобразуется, переоценивается чувством реальность жизни.

У Рубинштейна отсутствует и центральное в хайдеггеровской концепции, да и во многих других, понятие «совести». У Хайдеггера это зов существования к самому себе, обращение от безличности бытия к самому себе. Но он – не оптимистическое утверждение «Я», не способность к жизни в согласии со своей совестью, а, напротив, опять-таки чувство вины и страха. Так обнаруживается противоречивость понимания

* Приведу пример. Желая поздравить Сергея Леонидовича с днем рождения, один из ведущих психологов (не будем посмертно упоминать его имени) послал ему роскошные гортензии – цветы, которые традиционного сажают на могилах. Сергей Леонидович благодушно ответил на поздравление и подарок и добавил с улыбкой: «Очень сожалею, но Вам еще придется потерпеть. Уж очень Вы поторопились».

† Исследования Лаборатории личности ИП РАН, осуществленные в русле рубинштейновской концепции, показали, что чувство ответственности в советский период было связано со страхом наказания (М. И. Воловикова, О. П. Николаева). Позднейшие исследования (Е. Пашенко) выявили активную, стеническую сущность чувства ответственности и, напротив, отсутствие страха, уверенность в себе, свободу, если личность сама берет эту ответственность на себя.

личности Хайдеггером: с одной стороны, как исполненной решимости иметь совесть – первооснову существования, а с другой – погруженной в переживание вины, связанное с сущностью заботы, видимо не осуществленной и потому рождающей чувство вины.

Рубинштейн соединяет заботу с сознанием конечности жизни, ограниченности оставшегося времени, что требует позаботиться об остающихся близких людях. Противоречие его концепции с хайдеггеровской состоит также в том, что, по Хайдеггеру, самобытие, выражающееся в вине и страхе, – это одиночество и одновременно – отношение к миру, забота о других (Хайдеггер, 1989, 1997). Но личность не может их соединить: она разрывается между самостью и заботой о других. Рубинштейн же разрешает противоречие трагического и оптимистического чувств, называя жизнь «оптимистической трагедией».

Хайдеггер не может решительно обособиться от этого мира, поскольку считает его обыденностью, а жизнь человека – непременно жизнью «в миру». Он не находит механизма обобщения, который позволил бы ему соединить конкретное и абстрактное. В лице Хайдеггера западный экзистенциализм снижает категорию Мира до уровня обыденности, российский – в лице Бердяева – признал лишь мир внутренний, негативно минимизируя роль Мира, считая его внешним. В основание своей философии Бердяев положил не бытие, а свободу. Однако поскольку свобода – это лишь внутренняя независимость, она порождает, согласно Бердяеву, страдание, а «отказ от свободы уменьшает страдание» (там же, с. 300). Как будто полемизируя с ним, Рубинштейн пишет: «Проблема трагедии жизни – это проблема не страдания, а трагической судьбы, сплетения добра и зла, противоречие жизни, необходимости идти к добру через зло, гибель добра и т. д.» (Рубинштейн, 1997, с. 80). Не отождествляя свободу с индивидуализмом, Бердяев связывает ее с творчеством – «раскрытием во мне универсума» (Бердяев, 1998, с. 307). И хотя, казалось бы, творчество – это активное, позитивное преодоление страдания, для Бердяева свобода есть трагедия. «<...> И нужно принимать страдание, которое вызывается борьбой за достоинство, за качества, за свободу человека» (там же, с. 313)*.

Но близость идей сочетается с глубоким различием рубинштейновской и бердяевской концепций и российского и западноевропейского экзистенциализма в целом. Мировоззренческие чувства у Рубинштейна при всей их трагичности – стеничны, оптимистичны, тогда как Бердяев включает в число конкретных жизненных чувств не только страх, но и тоску, заботу, ревность, зависть и мстительность – чувства асте-

нические. Как и Рубинштейн, в ранг мировоззренческих чувств он возводит свободу, любовь и страдание. Но рубинштейновское определение свободы связано не со свободой индивидуальности, одиночеством и страданием, а с борьбой личности за свое достоинство, со способностью противостояния всякому насилию, бесчеловечности, с борьбой против уничтожения в себе человечности, человека. Рубинштейн писал свой труд в эпоху расцвета тоталитаризма, изничтожения личности и свободы, – более того: он сам испытал на себе силу и масштабы этого изничтожения. Поэтому нетрудно понять различие рубинштейновской и бердяевской позиций, поскольку последняя была по всем основаниям далека от трагедии российского тоталитаризма – и все же была преисполнена пессимизма. Оптимизм же рубинштейновской позиции определяется следующим. Период 1940–1950 годов, когда вызревал труд «Человек и мир», был не только эпохой тоталитаризма, но и периодом Великой Отечественной войны, в которой С. Л. Рубинштейн не только принял активное участие (организация учебной и гражданской деятельности герценовского института в начале войны, организация эвакуации и т. д.). Он непосредственно пережил то, как преодолеваются русским человеком насилие, страх смерти и поражения, как он идет к победе. Рубинштейн не говорит о чувстве вины и даже о совести, которыми характеризовалась трагика внутренней жизни эпохи Достоевского и Чехова.

Эпоха тоталитаризма в России поставила личность в совершенно иное соотношение с обществом – имманентная для России общинность и насильственный, навязываемый государством коллективизм вывели на первый план ее жизни задачу противостояния подавлению властью и добровольного объединения для защиты Родины, человеческих ценностей. В результате у многих стало доминировать желание выработать и эмоционально пережить сильное чувство – свое внутреннее неприятие насильственно навязанных властью ценностей.

Стержневой в концепции Рубинштейна является его идея о сближении, соединении психологии и этики. Эта идея предполагает не только этически предельные абстракции добра и зла, а неизбежность разрешения человеком их противоречия, когда ради добра и правды гибнет что-то светлое и прекрасное. «Трагическое имеет место, когда к неизбежной гибели идет что-то хорошее и прекрасное, когда к добру как осознанной цели приходится в силу независимых от человека обстоятельств идти через зло. Трагизм возникает там, где что-то хорошее и прекрасное вовлекается жизнью в пагубный для человека конфликт» (Рубинштейн, 1997, с. 80). Это уже не исконно российское чувство смирения (или добровольного страдания), а безоглядная отчаянность русского человека, сознательно идущего на погибель: ради лучшего, ради будущего, ради свободы – «не сдаваться» («Врагу не сдается наш гордый „Варяг“, / Пощады никто не желает»)! Свобода, согласно Рубинштейну, – это высшее достижение самого человека, вопреки несвободе

* Труд Бердяева «Самопознание» создан в 1939–1940 гг., пятнадцатилетием ранее, чем труд С. Л. Рубинштейна, и не в России, а в Кламаре и Пиле, а опубликован через 8 лет после смерти автора, в 1949 году в Париже. Из этого следует, что Рубинштейн не был с ним знаком. Сходство идей и понятий этих ученых определяется их близостью к экзистенциализму и сходным пониманием российского менталитета.

внешней, и возможно оно лишь при возвышении над обыденностью личной жизни, над страхом смерти*.

Понимание свободы в разных философских системах и обществах многогранно и разнообразно, различно: «свобода от», «бегство от свободы», «свобода для» и т. д. Свобода личности связана как с ее соотношением с обществом («гражданские свободы»), так и с другими людьми и с собой. Соотносительно с обществом понятие свободы дискредитировало себя еще в лозунге французской революции «Свобода, Равенство и Братство». Освобождение от старого типа общества несло в себе свободу, одновременно исключая ее в новых условиях индивидуализма и конкуренции, когда свобода предпринимательства для одного влекла за собой лишение свободы другого, а отнюдь не равенства с ним и братства. Позднее в Европе это было в известных пределах скорректировано регулированием гражданских прав и свобод. Однако, не погружаясь в социально-правовые проблемы, остановимся на том, что очень существенно для современной российской действительности, а именно: как же воплощается и переживается в сознании личности противоречие декларируемых и реально отсутствующих прав и в каком жизненном пространстве она способна переживать и ощущать свою свободу?

Свобода возможна при осуществлении деятельности, если она при этом связывается со стеническими чувствами инициативы и ответственности (последней – как добровольно взятого на себя риска и отсутствия страха за последствия). В отношениях же с другим человеком, согласно Рубинштейну, свобода достигается в чувстве любви.

По мнению Бердяева, лучшее, что написано о любви, принадлежит В. Соловьеву, но он не читал Рубинштейна... Представляется, что Рубинштейн сумел определить любовь и философски, и экзистенциально много глубже. Он связал ее не просто с любовным отношением к другому человеку, не с любовью к «беленькому». «Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит», – гласит пословица. «Подлинный смысл этого положения в том, – пишет Рубинштейн, – чтобы любить человека не за тот или иной поступок, встретивший одобрение или порицание других людей, который может быть случайным, а за него самого, за его подлинную сущность, а не за его заслуги» (Рубинштейн, 1976, с. 98). Он связал любовь с отдачей себя и своих духовных, душевных сил для поддержания и укрепления сущности другого человека. И в этой любви нет противоречия между своей индивидуальностью, отношением к себе, самооценностью, одиночеством и отношением к другому, которое неразрешимо для Хайдеггера.

Согласно Рубинштейну, в любви человек одновременно психологически выходит из границ своего внутреннего мира, освобождается

от условностей и, освобожденный, устремляет свои душевные и жизненные силы на поддержку другого человека. И в понимании любви Рубинштейн – оптимистичен, а Бердяев – трагичен: «Любовь, – пишет последний, – присущ внутренний трагизм, и не случайно любовь связана со смертью» (Бердяев, 1998, с. 327).

Для Рубинштейна, напротив, достижение особой общности, высшего единства – республика «мы» – тот способ связи людей, который в равной степени сохраняет их индивидуальность, свободу и достоинство.

Для Бердяева любовь принадлежит личности: «Мое сознание чуждости мира объясняется слабо развитым самолюбием и честолюбием, – пишет он, – я не чувствовал экстаза слияния (ни религиозного, ни национального, ни социального, ни эротического» (там же, с. 290).

Различие в понимании любви и свободы Рубинштейном и Бердяевым исходит из их понимания Мира и субъекта и выводит к раскрытию сущности данных понятий. Бердяев пишет, что свое призвание он осуществил вне каких-либо преимуществ, которые может дать мир «не-Я». Рубинштейн же считает изначальной не свободу от мира (как Бердяев), а единство с ним, вписанность в него, сотворенность Мира Человеком и Человека Миром. Это изначальное единство не исключает, особенно на уровне жизни личности, многообразия и противоречий мировоззренческих чувств, обобщаемых в главном противоречии – оптимистического и трагического. Можно ли считать одно из этих переживаний преобладающим? Если так и бывает в определенные моменты жизни, то в целом суть – именно в создании обобщенного, интегрального отношения к жизни.

Это завещание Рубинштейна, состоящее в раскрытии диалектики жизни, уже повлияло на расширение в психологических исследованиях самих личностных и жизненных характеристик. Таковы работы: И. А. Джидарьян, посвященная проблеме счастья, В. В. Знакова – проблеме правды, истины, лжи, Т. Л. Крюковой – любви, К. А. Абульхановой и др. – ответственности. Подобного рода экзистенциально-онтологические исследования позволяют понять главное достижение личности – достижение свободы в условиях несвободы внешней, социальной, что существенно для современного российского общества.

Представляется, что для Рубинштейна оптимистическая основа в понимании мировоззренческих чувств есть путь к сущности субъекта. Как говорилось, Рубинштейн увидел и несоответствие тех или иных чувств характеру самой жизни. Негативность жизненной ситуации, ее трагичность может преодолеваться личностью юмористическим или ироническим отношением к ней. Это чувство заключает в себе принципиальное личностное решение, обобщенное переживание

* Известно, что у И. А. Бунина это чувство – страх смерти – одна из главных тем в творчестве.

* «Свобода есть а priori моей жизни, – утверждал Бердяев. – Мое отталкивание от родовой жизни <...> объясняется моей безумной любовью к свободе и к началу личности» (там же, с. 301, 304).

своего отношения, осуществляемое, во-первых, самой личностью, и, во-вторых, несущее преодоление ею трагического достижением такого обобщения. В этом и проявляется ее качество субъекта жизни.

Как говорилось выше, сам Сергей Леонидович испытал и философски обобщил в чувстве юмора способ личностной защиты от несправедливости и жестокости. Развитие личности проявляется как раз в том, что он действительно мог взрастить в себе и испытывать это чувство. Он смог создать концепцию личности на основе субъектности, потому что сам смог стать такой личностью.

Близки к юмору по своей функции защиты (и даже нападения) чувства иронии и даже цинизма. Но они-то как раз выражают неспособность личности к выработке подлинно свободного и этического отношения к злу и трагизму жизни, они не преодолевают его внутренне. Цинизм, не принимая всерьез не только трагики, но и самих противоречий и тем более – возвышенного в жизни, не только не ведет к свободе личности, но разрушает ее внутренне с позиций абсолютизации зла, отрицания, неприятия самой жизни.

В числе этико-психологических задач, оставленных нам в наследство Сергеем Леонидовичем Рубинштейном, мы видим задачу поддерживать, укреплять, если не воспитывать, способность переживать позитивные чувства оптимизма, юмора, – как личное достижение, а не просто как протест против трагичности и несправедливости жизни.

Именно в своих чувствах, сочетание которых характеризует индивидуальность каждой личности, она, с одной стороны, достаточно обобщенно, с другой – совершенно непосредственно воплощает, переживает и выражает свое отношение к Миру, жизни, ее противоречиям и проблемам. Если могут быть скорректированы в социально желательном направлении мысли человека, его сознание, если последнее (в эпоху тоталитаризма) порой осмысляло и оценивало происходящее «по двойному счету» – как надо и как есть на самом деле, в душе признавая или не признавая этой двойственности, то чувства – всегда неподдельны*.

В «Человеке и мире» Рубинштейн ввел в число отношений человека к миру созерцательное отношение. И только осмыслив его концепцию мировоззренческих чувств, можно достоверно утверждать, что в его понимании созерцание – не только не синоним пассивности, отстраненности от мира и равнодушного отношения к окружающему, но раскрытие онтологического бытийного, экзистенциально активного в самом непосредственном смысле. Поэтому и сама философская концепция субъекта – не раскрытие абстрактной сущности (или идеала)

* Именно поэтому и воспитание должно осуществляться не только путем передачи ребенку знаний о мире, об отношениях людей, но прежде всего – путем содействия его переживаниям, его способности испытывать добрые, человеческие чувства.

человека (личности), а проникновение в подлинные движущие силы его жизни, которые он внутренне созидает в себе, преобразует в своих чувствах и насыщает этими своими переживаниями отношения к сложности, противоречивости и трагичности жизни.

Это не астенические и не негативные чувства, соответствующие негативному состоянию общества и окружающих, – страх, злоба, неуверенность. Чувства начинают соответствовать действительности, но в том смысле, в каком сама жизнь становится творчеством, а личность – ее субъектом: если она вырабатывает, выковывает в себе противоположные действительности чувства, переживания, отношения и сознание, если эти чувства становятся достижениями ее жизни.

Так свобода становится реальным личностным психологическим достижением даже в условиях несвободы, примеры чего дали нам личности, сохранившие себя и свою свободу в концлагерях.

И как бы ни были мы далеки от тех жестоких времен в эпоху российской демократии, мы не можем не видеть, что социальная конкуренция несовместима со свободой и справедливостью, а последней нет в обществе безмерного богатства и предельной бедности. И именно поэтому концепция личности, достижение ею субъектности как личного освобождения от зависти, жестокости, обиды есть раскрытие психологического пути к обретению внутренней свободы в несвободном обществе.

ЛИТЕРАТУРА

- Абульханова К. А. О субъекте психической деятельности. М., 1973.
Бердяев Н. А. Самопознание. М.–Харьков, 1998.
Рубинштейн С. Л. Человек и мир. М., 1997.
Хайдеггер М. Бытие и время. Тбилиси, 1989.
Хайдеггер М. Введение в метафизику. СПб., 1997.